

ТВОРЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

Мастер атакующего смеха

ПРИ одном упо-
минании и
имени Петра Ива-
новича Кулешова
на лицах людей появляе-
тся доб-
рые улыбки.

Нести радость людям — это
большое счастье. П. Кулешов на-
делен им сполна.

Впервые о Петре Ивановиче
Кулешове я услышал при несколь-
ко необычных обстоятельствах.
Знакомая с Челябинском, зашел в
детский парк. На одной из площа-
док собралась детвора, окружив
мальчика лет пяти, который гром-
ко пел песни, сопровождая их ко-
мичными жестами. Довольная ре-
бяты хохотала, дружно аплодиро-
вала, а кто-то из взрослых время
от времени повторял:

— Как настоящий Кулешов! Ис-
тинный бог, как настоящий Куле-
шев!

— Что ж, — соглашались с
ним, — подрастет, поучится, может,
и станет вторым Кулешовым.

Чувствовалось, что Кулешов в
Челябинске — мерило артистиче-
ского мастерства, что сердца ураль-
ских театралов покорены его искус-
ством.

И вот я в драматическом театре
имени Цвиллинга. Ставят «Клопа»
Маяковского. Почти каждый выход
Присыпкина-Кулешова сопровож-
дается бурной, восторженной реак-
цией зала — здесь и смех, и апло-
дисменты.

Сначала может показаться, что
актер только и заботится о том,
чтобы в зале не угасал смех. Но
чем дальше разворачивается дей-
ствие, тем все яснее становится, что
актер не смешит, а разит, что смех
в его руках — грозное оружие про-
тив зла. И в других театрах При-
сыпкин смешон, но Присыпкин Ку-
лешова смешон по-своему. Из всех
виденных мною Присыпкиных —
этот самый смешной, и что, особен-
но важно подчеркнуть, именно этот
Присыпкин вызывает по отношению
к себе чувство наибольшего негодо-
вания и презрения. «Мурло мещан-
нина» благодаря атакующему смеху
актера выступает во всей своей
недирективности, вызывающей од-
новременно и смех, и ненависть.

Кулешов добивается комизма в
исполнении Присыпкина не внеш-
ними приемами. Актер сумел обна-
жить комическую сущность самого
образа. В Присыпкине, созданном
П. Кулешовым, отчетливо проступа-
ют черты тупого, самодовольного
мещанина, сочетающиеся с наг-
лыми претензиями на «особую
роль», которую он собирается иг-
рать в новом социалистическом об-
ществе.

Тип мещанина, созданный В. Ма-
яковским, ушел в безвозвратное
прошлое. Когда смотришь на При-
сыпкина, ни на минуту не можешь
отделаться от мысли, что перед то-
бою представитель семейства «обы-
вательства вулгарис» двадцатых го-
дов. Тем более удивительно, что,
глядя на Присыпкина в изображе-
нии Кулешова, кажется, будто ты
не так давно встречал подобного
человека, сталкивался с ним в на-
ши дни. Он был одет по-другому,
на нем не было матросского бушла-
та, «партизанской» кубанки, залах-
ватской тельняшки и лихо повязан-
ного поверх нее галстука. Он вел се-
бя вполне «прилично», был культу-
рен, обходителен, безукоризненно
вежлив, и все-таки угадывалось в
нем нечто «присыпкинское», то, что
сумел показать в своем герое ар-
тист Кулешов. Дело тут не только
в том, что в Кулешове живет острое
чувство современности, что об-
разом Присыпкина он бьет и по се-
годняшнему мещанину, обывателю.

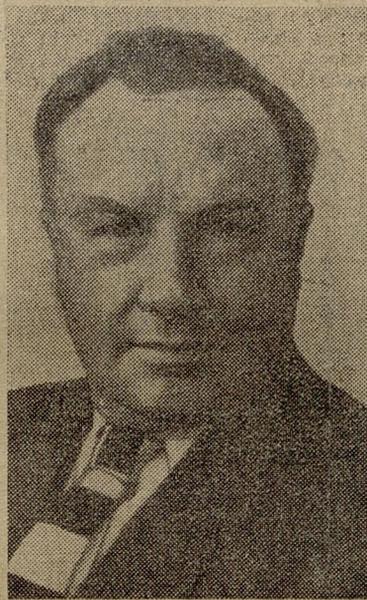
Через год после описанного спек-

такля я сижу в артистической ком-
нате Кулешова. Он в сапогах, в
галфе — идет репетиция «Стря-
пухи».

Я высказал Петру Ивановичу
свой взгляд на его Присыпкина.
Артист задумался.

— Да, это, пожалуй, верно, —
согласился он. — Мне хотелось,
чтоб в моего Присыпкина поверили.
Я вообще противник какой-либо
прямолинейности и схематизма в
искусстве.

Петр Иванович заметно оживил-
ся, по-видимому, тема разговора
давно волновала его.

П. И. Кулешов.

— Мы, артисты, в большой пре-
тензии к нашим писателям и дра-
матургам. Часто образы, создавае-
мые ими, несут в себе слишком ма-
ло того, что вы называете челове-
ческим. Порою приходится стра-
дать почти физически, работая над
той или иной ролью. Возьму, к
примеру, встречающуюся в совре-
менных пьесах фигуру директора.
Установился у нас нехорошая тра-
диция изображать директоров заво-
дов только в двух планах — героиче-
ском и «очернительном». Поло-
жительный директор — непременно
герой, артисту моего амплуа ни
за что не доверят сыграть эту роль.
А хотелось бы! — Кулешов мечта-
тельно сощурился и грустно улыб-
нулся, продолжая: — Я, как депу-
тат городского Совета, знаю многих
директоров заводов Челябинска. И
что же? Хорошие хозяйственники,
организаторы, инженеры, все они —
самые-самые разные... И не всегда
на героев похожие, чаще — очень
даже простые, внешне ничем не вы-
дающиеся. К тому же один — заяд-
лый рыбак, другой — театрал за-
вязтый, ни одного спектакля «Ле-
бединое озеро» не пропустил, тре-
тий — тоже с какой-нибудь особен-
ной... И это же так естественно.
Нет двух одинаковых отпечатков
пальцев. Как же могут быть одина-
ковыми характеры!

Артист еще много и взволнован-
но говорил о необходимости всесто-
роннего и глубокого раскрытия че-
ловеческих характеров на сцене. А
я мысленно представлял в эти ми-
нуты образы, созданные Кулешо-
вым. Симпатичный, милый Дарви-
дошка («В пущах Полесья» Я. Ко-
ласа), подлый проходимец Зайцев
(«Московский характер» А. Сафро-

нова), бодрый, не-
утомимый Ури
(«Женихи» Токае-
ва), умный, го-
розный, то жал-
кий, Достигаев
(«Достигаев и
другие» А. М.
Горького), старый
беспомощный Сорин («Чайка»
А. П. Чехова) и многие другие.

Иногда приходится слышать:
— Кулешов — актер одного ам-
плуа. Ярко выраженный комик.
Даже чересчур смешит...

В этих словах чувствуется отте-
нок неодобрения. А ведь по сущест-
ву нет ничего плохого в том, если
актер выступает успешно только в
одном жанре. Однако по отноше-
нию к Кулешову приведенное вы-
сказывание несправедливо. Дей-
ствительно, Кулешов — замеча-
тельный мастер смеха.

Он любит яркую комическую
деталь, способствующую более
глубокому раскрытию мысли произ-
ведения. Например, читая рассказ
Л. Н. Толстого «О черте, укравшем
крайшку», актер, заключая выступле-
ние, ставит рожки на голове и
уморительно скачет на одной ноге.
Это неожиданно, смешно и худо-
жественно оправдано. В «Клопе», в
сцене разучивания танцев, Валя
делает Присыпкину замечание, что-
бы тот «не щевелил нижним бюс-
гом». Кулешов-Присыпкин после
этого стыдливо прикрывается ру-
ками...

Такие примеры можно было при-
водить без конца. И все-таки Куле-
шов не только комик, это раз-
носторонне развитый талант, оди-
наково сильный и в комических, и
в драматических ролях.

Вспомним его Достигаева. В
раскрытии этого образа Кулешов
тоже использует элементы комиз-
ма. Когда Кулешов — Достигаев
произносит слова: «Верю в бога,
но предпочитаю коньяк», — в зале
обычно возникает смех. И тут же
обрывается. Лицо Достигаева,
только что смеявшегося над своим
собственным цинизмом, вдруг за-
стывает в отвратительном оскале,
обнавживающем нутро хищника.
Страшное лицо!

В изображении Кулешова До-
стигаев очень сложен. Реалистиче-
ски точно рисует актер умного,
предприимчивого человека, любя-
щего семьянина. На первый взгляд,
ничего злого в Достигаеве — Куле-
шове нет. Все, что нужно для не-
го, — это «тепленькое винцо бордо и
энциклопедический словарь для
мудрости». Но это только кажется.
Достигаев в исполнении Кулешо-
ва — это приспособляющийся
делец, типичный буржуа, который
только ждет момента, чтобы по-
ставить ножку строителям новой
жизни «на трудном-то пути... на
неведомой дороге».

Так «комик» Кулешов лепит
глубоко драматический характер
Интересна работа Кулешова над
образом Сорина в спектакле А. П.
Чехова «Чайка». В этой роли ар-
тер демонстрирует замечательное
мастерство в искусстве перевопло-
щения. Обычно Кулешов не боится
ярких, бросающих красок в обрисовке
героев. Сорин же дан полутонами
— сквозь улыбку и грустные
размышления.

Стремление отыскать в каждом
персонаже сокровенное человече-
ское — это генеральная линия в
творческой биографии артиста. И
хорошо, если драматургический
материал открывал при этом широ-
кие возможности, например,
пьесы Маяковского, Горького, Че-
хова... Но бывало и так, что актер
должен «досочинять» своего героя.
Тогда он шел в «толпу», в массы
и там, среди народа, отыскивал
живые черты своих героев. Так он
работал над образом Зайцева («Мо-
сковский характер»), над образом
Виталия Марковича («Любовь Ани
Березю») и другими.

Сейчас Петр Иванович Кулешов
находится в расцвете своего тала-
нта, он полон дерзновенных дум и
творческих замыслов.

— Мною владеет невероятная
жажда хорошей пьесы и роли для
своего плана, — говорит Кулешов.

И веришь, что это его желание
сбудется не раз.

Замечательный актер всеми ни-
тями своей души связан с жизнью
народа, и в этом залог его настоя-
щих и будущих творческих побед.

А. ЛАЗАРЕВ,
кандидат филологических
наук.